

Николай Старшинов,

поэт

Белорусский вокзал

Почти все ночи 1941 года с августа месяца и до глубокой осени я — как участник противовоздушной обороны Москвы — провел на чердаке нашего маленького двухэтажного дома.

Дома у меня лежал отец, прикованный параличом к постели. Когда объявлялась очередная воздушная тревога, мать садилась около его кровати и была с ним до отбоя. А я вместе с Лидой Докторовой, нашей соседкой, которая, как и я, училась в школе, поднимался на чердак.

Там стояли большие ящики с песком, в них лежали длинные щипцы, которыми надо было схватить зажигалку, пробившую крышу, и сунуть ее в песок.

Во время бомбежек наш старый деревянный дом вздрагивал от взрывов бомб и выстрелов зенитных орудий.

Мы вслушивались в наступавшую на какое-то время тишину и слышали неровное, прерывистое гудение немецких самолетов, видели голубые лучи прожекторов, непрерывно обшаривающих московское небо.

Когда немецкий самолет попадал в луч

прожектора, мгновенно его находили и другие прожектористы, брали в перекрестье. Он маневрировал, пытаясь сойти со световой дорожки, нырнуть во тьму.

Мы видели, как в небе то тут, то там вспыхивали звездочки разрывов зенитных снарядов — зенитки отгоняли самолет за черту города.

А когда сбитый самолет падал, оставляя за собой хорошо заметный в лучах прожекторов дымный след, на нашей крыше и на крышах соседних домов гремело «ура!».

Немцы были уже на ближних подступах Москвы, и, как пишет Б. Полевой, «их летчики, едва поднявшись с аэродромов, оказывались над Москвой».

Случалось уже и так, что среди бела дня мы сначала видели немецкий самолет, с громом пронесшийся над самыми крышами, а потом уже объявлялась воздушная тревога.

6 ноября воздушные тревоги объявлялись одна за другой весь день.

Шла великая битва за Москву...

А утром 7 ноября я вышел из дома побродить по улицам. В те дни я часто бродил по Москве. Она готовилась к отражению врага.

На окраинах оцетинились противотанковые «ежи». У мостов были сложены целые стены из мешков с песком. Витрины магазинов тоже были заложены ими.

Зима в тот год пришла рано.

Смерзлась земля, затвердела земля.
Ноги скользят по льду.
Озябли ноябрьские тополя
В городском саду.

А сегодня день торжества.
Где же оно, торжество?
Что с тобою, моя Москва?
Город мой, отчего?

Шел крупный снег. Мело. Снег уже лежал на крышах домов, на мостовых и тротуарах. Он падал и прилипал к стволам, к веткам и листьям деревьев, захваченным врасплох ранней зимой и не успевшим еще облететь.

Я бродил вдоль московских улиц.
Я пришел на Тверской бульвар.
Тополя до земли согнулись.
Снег ложился на тротуар.

Снег летел...
И, ветрам открытый,
Над столицей прифронтовой
Человек стоял с непокрытой,
Чуть опущенной головой...

Это был Пушкин, к которому я приходил не однажды в самые горькие и невозможные дни.

Было малоллюдно. Я подошел к самому памятнику. Его уже припорошило снегом, пьедестал замело. Я всматривался в дорожные черты любимого поэта.

Ветер гладил литые кудри,
Налетал и кружил, хлеща.
И набилась снежная пудра
В складки бронзового плаща.

Тут я и увидел наших солдат, идущих строем по улице Горького. Это шли участники парада 7 ноября на Красной площади.

Утро смутные тени связало,
Посветлели края облаков...
Идут
К Белорусскому вокзалу
Батальоны маршевиков.

Всходит солнце. Морозен воздух.
До чего же шаги легки!
И сверкают на шапках звезды,
И покачиваются штыки...

...А над Москвою — день небывалый,
Светом пронизанный, голубой...
Идут
К Белорусскому вокзалу
От Мавзолея — с парада — в бой!

Я заглядывал в лица молодых солдат, почти моих ровесников. Они шли, сосредоточенны и смертельно решительны, в голубовато-серых шапках с красными звездами, в будничных шинелях — такую вскоре суждено было надеть и мне.

Я шел с ними до самого Белорусского вокзала, стараясь попадать в ногу.

И мне тогда казалось, что и солнце взойшло, и что день стал светлым и голубым...

Помню я и действительно светлый и голубой день 17 июня 1944 года.

В этот солнечный день по Москве провели огромную колонну военнопленных.

Я уже вернулся в Москву после тяжелого ранения, полученного под Спас-Деменском, на дальних подступах к Москве. Ходил на костылях. Но все-таки пошел посмотреть на это шествие.

Вели их мимо Белорусского вокзала.

И когда первые ряды колонны во главе с пленными генералами уже вступили на площадь Маяковского, замыкающие ее солдаты еще тянулись по Ленинградскому шоссе.

Они хотели овладеть Москвой...
И вот сегодня поутру, сутулясь,
Прошли Москвой... Вернее — наш конвой
Провел арийцев вдоль московских улиц.

Ни одного знакомого лица,
Ни одного сочувственного взгляда...
Идут, идут, идут — и нет конца
Участникам позорного парада.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Слова В. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА

Музыка А. АЛЕКСАНДРОВА
Переложение Е. СИРОГИНА

Припоминаются мне Москва, Белорусский вокзал и в совсем другие времена, в дни ликования по поводу нашей полной победы. Их весеннее многолюдье 1945 года. И не прерывистый вой немецких самолетов, не взрывы бомб и грохот зениток, бьющих по воздушным разбойникам, а грохот победного салюта, слышки многоцветных огней его над Москвой, над Белорусским вокзалом.

Вспоминаю первые встречи с вернувшимися в Москву фронтовиками.

Я сам ходил встречать их...

Белорусский вокзал в годы войны проводил на фронт миллионы солдат. Белорусский вокзал встретил весной 1945 года миллионы солдат-победителей...

...За окном трепещут рощи.
Ветрена весна.

И осины и рябины
Рвутся в синеву...

Из Берлина, из Берлина
Едем мы в Москву!

Вот платформа показалась —
Весь перрон в цветах...

К Белорусскому вокзалу
Подошел состав...

Умеренно 1. Вста - вай, стра - на о - гром - на - я, вста -

- вай на смер - тный бой с фа - шист - ской си - лой

* Перед повторением 3-й и 4-й строк каждого куплета вставляется слог «Эх».

2591

тем - но - ю, с про - кля - то - ю ор - дой! Припеа
Пусть я - рость бла - го -

- род - на - я вски - па - ет, как вол - на! И - дет вой - на на -

Для повторения Для окончания

- род - на - я, свя - щен - на - я вой - на. 2. Как // на.

1. Вставай, стране огромная,
Вставай на смертный бой

В. Лебедев-Кумач
Священная война

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой.

Как два различных полюса,
Во всем различны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они за царство тьмы.

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

1941 год

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Первая публикация нот песни из архива Государственного музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки.